

ЗА ДАЛЬНИМИ КУРГАНАМИ

Рассказ

В открытой степи остановилась грузовая автомашина, и из её кузова выпрыгнула тоненькая девушка в синей косынке. Сверху ей подали небольшой кожаный чемодан, связку книг и гитару. Через минуту, взвихрив пыль, машина уехала дальше, и девушка осталась на дороге одна.

Никуда она не пошла. То ли её поразил безлюдный степной простор, уходящий во все концы до самого небосвода, то ли она испугалась вдруг залаявших невдалеке пастушьих собак, так никто и не понял. Но в том, что она приехала на овцеферму, не сомневался никто. В этих местах ей идти было больше некуда.

Уже вечерело, и, чтобы встретить необычную гостью, на дорогу пошёл заведующий овцефермой Кузьма Иванович Черенков. Девушка заметила его ещё издали, но никакого беспокойства не проявила. Она продолжала сидеть на чемодане не шевелясь.

— Вы к нам приехали? — спросил Кузьма Иванович, останавливаясь возле приезжей.

Девушка робко подняла на него большие серые глаза:

— Так это и есть Зурмата?

— Она самая, — кивнул головой Черенков. — Она не вся видна отсюда — только кошары, а наш посёлок чуть ниже, на склоне балки.

О том, что Зурмата не вся видна с дороги, Кузьма Иванович сказал для того, чтобы как-то ободрить девушку. Он уже догадался, кто она такая и почему у неё также растерянные глаза. Согласилась, а теперь, когда увидела, куда её завезли, стала жалеть, что не отказалась от такой путёвки. Молодость не любит глуши — это познал Черенков, когда ходил здесь с отарами ещё в подпасаках.

— Ну, что, пойдём? — набивая табаком трубку, сказал Кузьма Иванович.

— Да, — тихо ответила девушка и встала, словно сама поняла, что в этом степном краю ей и в самом деле идти больше некуда.

* * *

Животноводческий городок, как его называли Любе в районном культпросвет отделе, был похож на обыкновенную чабанскую стоянку. Крохотные оконца земляных домиков глядели на свет, словно прищурясь. Деревьев не было видно: то ли их губил здесь солончак, то ли так уж привыкли здесь жить на голой земле. Зеленело лишь возле артезианского колодца — здесь росли три малорослых и чахлах акации, нивесть как попавших в эти края.

Оглядывая унылый пейзаж, Люба не без горечи говорила себе, что это, пожалуй, и всё, чем могла её порадовать жизнь. Уехать отсюда теперь ей скоро не удастся. Приказ издан, и волей-неволей придётся библиотеку принять. В совершившемся винить, кроме себя, было некого — ушла учиться в библиотечный техникум, а о том не подумала, что книги нынче всюду, даже здесь на краю света.

«Книги, они, как звёзды. Приблизься к ближним звёздам и там, за ними, ты увидишь новые миллионы звёзд. И так бесконечно...»

Как ни грустно было Любе в эти минуты, но она не удержалась, чтобы не усмехнуться. Эту фразу она сочинила сама, в своих мечтах о предстоящей работе, сочинила давно, но никому до сих пор её не сказала — всё берегла. И вот сберегла.

Но кому теперь она её скажет? Кто здесь поймёт мудрость и красоту этих слов, если даже заведующий фермой, как видно, мало интересуется книгами...

Вид поселковой библиотеки омрачил Любу ещё больше. Книжный шкаф был распахнут настежь, стёкла в нём выбиты, перекосившиеся стеллажи испачканы известкой. Книги лежали на полу беспорядочными грудками и были покрыты таким густым слоем пыли, что трудно было определить цвет их обложек и переплётков. Чёрная от копоти лампа не висела, а стояла в углу. Скатерть на читальном столе, видимо, никогда не стиралась и не выстиралась: она уже стала не кумачёвой, а тёмнобурой. По всему было видно, что здесь ещё ни к чему не прикасалась по-настоящему любящая своё дело рука.

— Что ж, я человек занятой, — оправдывался Кузьма Иванович, — всё время в степи, возле овец. Мой глаз там.

— Да ведь это же книги? Поручили бы кому-нибудь.

— И поручить было некому, — вздохнул чабан, — всё ждали вас.

Когда он ушёл, Люба присела у окна и долго-долго глядела в незнакомую и непонятную ей степь. Стояла осень, и степь уже увядала. Сухие волны трав убегали вдаль с какой-то тихой и задумчивой грустью. С той же грустью, держа путь на юг, курлыкала где-то в пустом небе журавлиная станица.

***

Землянка, в которой временно поселилась Люба, принадлежала зоотехнику фермы Дарье Петровне Смирновой — пожилой одинокой женщине. Девушка сошлась с ней с первого же вечера. Своим тихим и ласковым характером она напомнила ей покойную мать. Прожила Дарья Петровна здесь уже больше десяти лет, но и словом не обмолвилась с Любой о своей жизни в Зурмате. Ведь вот; приехала сюда ещё молодой, а так и не обрела тепло семейного огонька, так и осталась на всю жизнь одинокой. Так о ней подумала Люба.

Но сегодня Дарья Петровна Любу просто подивила. Она пришла с работы радостной и оживлённой. Её глаза так и сияли от счастья. В порыве этого непонятного счастья не удержалась и звонко поцеловала Любу в обе щёки.

— Да что случилось? — воскликнула Люба, чувствуя как и её поднимает что-то над землёй,

— Ах, милая, — уже спокойно ответила Дарья Петровна. — Десять лет! Понимаешь, целых десять лет! — не раздеваясь, она прилегла на кровать и от сладкой усталости закрыла глаза. — Ты даже не представляешь, чего это мне стоило. Ночами не спала — только и думала. Не раз всякую веру теряла — и вот!..

И она подала Любе телеграмму.

— Вот — читай! Из Москвы...

Девушка взяла телеграмму и стала читать. Министр поздравлял Дарью Петровну в связи с её работой, но в чём заключались заслуги зоотехника — она так и не поняла.

Всё разъяснилось для Любы лишь за чаем. Как-то сразу помолодевшая Дарья Петровна говорила без усталости. Да, её труды не пропали даром! Она сделала не великое, но зато крайне нужное для родины дело. Та порода тонкорунных овец, которая создана её руками, признана как самостоятельная и необыкновенно ценная отечественная порода. Она даст стране тысячи добавочных тонн мериносовой шерсти, ещё больше бараньего мяса. Подобные овцы (Дарья Петровна покажет их Любе непременно) появятся всюду: не только в зурматинских степях, но и в Казахстане, в Крыму, в Грузии, Дагестане. Со временем их образуется целое море — море золотого богатства:

как же можно не обрадоваться, не посчитать себя сегодня самой счастливой на свете?..

Люба слушала её с замиранием сердца и, хотя прилетевшее в эту землянку счастье было чужое, радовалась ему, как собственному.

***

На следующий день Люба ушла в поселковую библиотеку, едва вошло солнце. Погода, как и вчера, была тёплая и ясная. Как и вчера, степные дали раскачивались в волнах увядающих трав и в небе курлыкали незримые журавли. Но, оглядевшись вокруг, Люба почему-то уже не ощутила прежней тоски и грусти. Наоборот, её потянуло туда, в эту безвестную даль, к тем, чуть приметным соломенным крышам кошар, к тем чабанским кострам, что сейчас поднимали над горизонтом прямые и высокие столбы дыма.

Не так почувствовала себя Люба и в поселковой библиотеке. Глинобитное помещение было довольно просторное и не такое уж сумрачное, как показалось Любе вначале; если в нём навести порядок и всё переставить по своему вкусу, удобнее и красивее, оно примет вполне приличный и далее приятный вид. Правда, многого здесь ещё не хватает: нет портретов, нет картин, очень мало столов и скамеек, но ведь всё это приобретается не сразу. Важно не сидеть сложа руки...

И Люба, пристроив какой-то старый географический плакат вместо передника, хозяйски взялась за дело. Она уложила все книги на полки, подмела пол, вычистила ламповое стекло, протёрла окна, собрала и выкинула вон всякий бумажный хлам. Вскоре ей на помощь пришла какая-то худенькая обветренная старушка с ведром воды и ведром извёстки — её, оказывается, прислал Черенков — и всё зашумело в библиотеке, как в родном доме перед майскими праздниками. Уже к полудню помещение преобразилось настолько, что Любу начинала одолевать мысль: зажечь огонёк в его окнах в тот же вечер.

Но эта мысль угасла, когда Люба приступила к переписке книг. Бедна, очень бедна оказалась её библиотека. На книжных полках Люба не увидела ни Пушкина, ни Чехова, ни Толстого, ни Горького. Не было на полках Шолохова и Фадеева. Сомнения не оставалось: книги шли сюда лишь после того, когда чья-то рука тщательно отбирала всё самое ценное. Там, мол, на отгонных пастбищах, будут рады и тому, что валяется как макулатура на книжном складе.

Люба переписывала книги и злилась. Она совсем забыла, что ещё до вчерашнего дня до всего этого ей никакого дела не было; злилась, как могут злиться люди, которым уже давно надоело доказывать, что и здесь, в степной глуши, живут такие же люди, как и всюду, что и у них есть те же высокие интересы, высокое отношение к жизни.

— Вот налажу работу, — думала Люба с той смелостью, которой ещё не набиралась ни разу в жизни, — и прокачу в райцентр. Я задам всем такого, что они во век меня не забудут...

Её работу прервал Кузьма Иванович, угадывалось, что он только что приехал из степи — запахом полыни и ветра сразу наполнилась вся библиотека. Старик с нескрываемым одобрением оглядел чистенькое и принаряженное помещение, потрогал корешки книг на полках шкафа и сказал, улыбаясь:

— Я, наверно, к вам ещё без времени. Но вы уж простите меня — хочу записаться. Только дайте из того, что вы привезли с собой в связке. Хорошие книги — они ж, как звёзды,

Знаем, что есть, будто рядом сияют, а не достанешь...

— Теперь всё достанем, — сказала Люба, резко вскидывая на старика полные радости и счастья свои большие серые глаза. — Достанем, Кузьма Иванович, уверяю.

Из библиотеки они вышли вместе. Солнце уже зашло, и над западным горизонтом, как бестрепетная свеча, начинала загораться вечерняя зорька. Степные дали таяли в

такой чистой лазури, что даже полыни казались голубыми. Люба глядела туда и молчала. Молчал и Кузьма Иванович: он, видимо, думал о своём, стараясь не отвлекать девушку от её раздумий.

Что ж, время придёт и Люба будет так же, как и они — Кузьма Иванович и Дарья Петровна — часто-часто уезжать в те, скрытые шумливыми травами, дали, уложит на бидарку книги, возьмёт в руки вожжи и покатит одна по пустынной дороге. Её уже будут знать всюду — бидарка только что выплывет из сизого марева, а люди скажут: «Едет! Готовь для обмена книги — к нам едет библиотека». И кто ж не встретит Любу как желанную гостью в этой полной невыразимого очарования степи, кто не обрадуется, увидев в её руках связки новеньких, сулящих радость книг, отливающих золотом и серебром.